

Лицо во мраке. Этюд в багровых тонах

«Лицо во мраке». Э. Уоллес

Эдгар Уоллес недаром считается основателем жанра триллер. Этот детектив держит в напряжении от первой до последней страницы.

«Этюд в багровых тонах». А. Конан Дойл

Произведение, с которого началась литературная жизнь одного из самых известных сыщиков - Шерлока Холмса.

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ДЕТЕКТИВА

Эдгар Уоллес
Лицо во мраке

Артур Конан Дойл
Этюд в багровых тонах

Эдгар Уоллес

Лицо во мраке

Артур Конан Дойл

Этюд в багровых тонах

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2011

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2011

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2011

ISBN 978-966-14-1888-1 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Л65 **Лицо во мраке** [Текст] / Эдгар Уоллес. Этюд в багровых тонах / Артур Конан Дойл; [к сб. в целом: пер. с англ. В. Михалюка ; предисл. В. Г. Гитина ; худож. А. Семякин]. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2011. — 368 с. : ил. — (Серия «Золотая библиотека детектива»).

ISBN 978-966-14-1094-6 (Украина, т. 8).

ISBN 978-966-14-0746-5 (серия).

ISBN 978-5-9910-1413-7 (Россия, т. 8).

ISBN 978-5-9910-1143-3 (серия).

В восьмой том серии «Золотая библиотека детектива» вошли романы «Лицо во мраке» Э. Уоллеса и «Этюд в багровых тонах» А. Конан Дойла.

До восьмого тому серії «Золота бібліотека детективу» увійшли романи «Обличчя в п'єм'ї» Е. Воллеса та «Етюд у багрових тонах» А. Конан Дойла.

ББК 84.4ВЕЛ

Предисловие

Романы Эдгара Уоллеса и сэра Артура Конан Дойла, включенные в восьмой том избранных произведений мастеров детектива, можно вполне обоснованно считать эталонами *сенсационного* и *интеллектуального* направлений этого жанра.

* * *

Уоллес, как профессиональный газетный репортер, выстраивает «Лицо во мраке» на поистине сенсационных разоблачениях, бурных страстях и нестандартных ситуациях. Как правило, они связаны с застарелым конфликтом, породившим достаточно изощренную месть в духе графа Монте-Кристо. К этому следует добавить обретение бывшим (разумеется, невинно осужденным) каторжником своей некогда утраченной дочери, умницы и красавицы, ее роман с благородным полицейским офицером, бескорыстно полюбившим очаровательную нищенку, в итоге оказавшуюся богатой наследницей. Завершается все торжеством справедливости и воздаянием каждому того, что он заслужил, причем при полном отсутствии утомительных распутиваний логических головоломок, так раздражающих читателей.

Итак, парад сенсаций с классическим *happy end!*

Стержнем интриги «Этюда в багровых тонах» также является изощренная месть. Правда, она становится лишь фоном, на котором разворачивается представление читателю сыщика-любителя Шерлока Холмса и его блистательное расследование крайне запутанной криминальной истории, поставившей в тупик бездарных, зато безмерно самоуверенных полицейских чиновников.

Скептическое, мягко говоря, отношение сэра Артура Конан Дойла к полицейской машине имело весьма серьезные основания, если учесть немало случаев столкновений писателя с государственной системой правосудия, вследствие чего он был признан британской

общественностью «рыцарем проигранных процессов и воскресителем разбитых надежд».

...Ранним летним утром 1903 года на поле в окрестностях Бирмингема был обнаружен издыхающий пони с огромной резаной раной на брюхе. Полиция недолго думая арестовала предполагаемого виновника этого преступления. Им оказался Джордж Эдалджи, молодой адвокат из Бирмингема, сын местного викария, индуса, женатого на англичанке. Вокруг викария давно уже сгущались тучи враждебности, так как для многих своих соседей он был «цветным», чужим, а следовательно, потенциальным носителем зла.

Кроме того, здесь, в округе, уже имели место странные, садистские убийства животных, а в адрес властей регулярно поступали анонимные письма с угрозами перейти от резни животных к убийствам маленьких девочек. Все это почему-то послужило основанием для организации наблюдения за домом викария.

После же гибели пони полиция, не особо утруждая себя поиском доказательств преступления, арестовала его сына, которого суд приговорил к семи годам каторжных работ. Напрасно коллеги адвоката писали жалобы, требуя пересмотра дела, напрасно была направлена в парламент петиция, подписанная 10 тысячами человек...

Однако неожиданно через три года Джорджа Эдалджи освободили из-под стражи, причем без каких-либо объяснений и без решения суда о реабилитации. Тогда, в декабре 1906 года, он написал подробное письмо сэру Артуру Конан Дойлу, который, изучив его судебное дело, пришел в крайнее негодование. Все представленные полицией улики оказались не только косвенными, но и явно подтасованными в пользу следственной версии. Например, приписываемое Эдалджи авторство анонимных писем не было подтверждено даже простым сличением почерков. Так же обстояло дело и с другими пунктами обвинения.

11 января 1907 года в газете «Дейли телеграф» появилась статья Конан Дойла, где он обвинял полицию в расизме, бездарности и преступной подтасовке фактов. Были осуждены и действия Министерства внутренних дел, которое, признав недостаточность улик и освободив невинно осужденного, не взяло, однако, на себя труд восстановить его доброе имя.

За этой статьей последовал целый ряд других, вследствие чего состоялся официальный пересмотр дела Джорджа Эдалджи, который

был восстановлен в гражданских правах.

Кроме того, создатель Шерлока Холмса путем одних лишь логических рассуждений выявил подлинного преступника!

К числу заслуг Конан Дойла следует отнести и то, что после этого резонансного дела в Англии наконец-то был создан Кассационный суд.

И еще один пример конфликта писателя с полицейской машиной.

В мае 1909 года в многолюдном квартале города Глазго была убита в своей квартире состоятельная старая леди Марион Гилкрист. Тело обнаружила служанка Хелен, вернувшись из магазина, куда она отлучилась буквально на несколько минут. Голова старой леди была разбита каким-то тяжелым предметом. В комнате царил ужасающий беспорядок. Шкатулка с документами вскрыта, содержимое ее разбросано по полу...

Сосед видел, как из квартиры выходил какой-то молодой человек, но затруднялся точно охарактеризовать его внешность. А вот допрошенная полицией четырнадцатилетняя Мэри Борроумен, несмотря на вечерний час и слабое уличное освещение, весьма подробно описала выбегающего из дома молодого человека.

Обыск показал, что из вещей жертвы похищена одна лишь бриллиантовая брошь. В газетах появилось описание этой броши, после чего некий Маклин заявил полиции, что точно такую же брошь пытался отдать ему в заклад Оскар Слэйтер, известный игрок и авантюрист. Полиция сразу же направилась на квартиру Слэйтера, где узнала, что он совсем недавно уехал в неизвестном направлении.

Исходя из этого полицейские чиновники решили, что он и есть убийца. На их решение никак не повлияли ни показания служанки Хелен, заявлявшей, что брошь, найденная в квартире Слэйтера, вовсе не та, что похищена у ее погибшей хозяйки, ни тот неоспоримый факт, что эту брошь отдавали в заклад не *после*, а *до* убийства старой леди...

Слэйтера арестовали в Америке и опознали свидетельницы Мэри Борроумен и Хелен.

В мае 1909 года Верховный суд в Эдинбурге признал его виновным и приговорил к смертной казни. Позднее казнь была заменена пожизненным заключением.

И тогда сэр Артур Конан Дойл начал собственное расследование, основанное на дедукции, а проще — на элементарной логике. *Почему убийца из всех многочисленных драгоценностей старой леди взял*

только эту злосчастную брошь? Зачем он тратил время на вскрытие шкатулки с деловыми бумагами? Очевидно, его интересовал прежде всего какой-то документ... А брошь — всего лишь ложный след... Документ... Скорее всего, завещание... Убийца — родственник жертвы, которая добровольно впустила его в квартиру, раз на ее двери не обнаружено следов взлома...

Как выяснилось позже, Хелен называла следователю имя человека, выбежавшего из квартиры, но эту часть ее показаний уничтожили... Лишь со временем чиновника начала мучить совесть, и он сделал официальное заявление, вследствие чего был уволен из полиции, а спустя год едва не угодил в тюрьму по ложному обвинению.

С известным писателем блюстители закона не могли расправиться подобным образом, зато упорно отказывали Конан Дойлу в пересмотре дела. Ему на помощь пришел другой известный писатель — Эдгар Уоллес, который развернул мощную правозащитную кампанию в прессе. Репортеры разыскали Мэри Борроумен и Хелен. Последняя подтвердила заявление следователя, а первая призналась в том, что полицейские чиновники вынудили ее оговорить Слэйтера и даже репетировали с ней свидетельское выступление в суде.

В итоге сэра Артур Конан Дойл все же добился пересмотра дела Слэйтера, который к тому времени успел отсидеть девятнадцать лет за не совершенное им преступление.

Известен целый ряд славных подвигов благородного «рыцаря проигранных процессов», из чего следует, что его произведения в немалой мере носят автобиографический характер.

Детектив — вовсе не сказка как утверждают некоторые критики, а срез вполне реальной действительности. Реальной, но при этом непременно, по выражению сэра Уинстона Черчилля, содержащей в себе загадку, скрывающую тайну.

В. Гитин, исполнительный вице-президент Ассоциации детективного и исторического романа

Эдгар Уоллес

Лицо во мраке[1]

Глава I Человек с юга

Туман, который позже сгустился над Лондоном, окутав мглой городские достопримечательности, пока был всего лишь серой смутной дымкой. Небо потемнело, а уличные фонари светились тусклым рассеянным светом, когда на Портмен-сквер неверной походкой вышел человек с юга. Несмотря на сырой холод, он был без теплого пальто, в расстегнутой на груди рубашке. Человек шел, внимательно глядя на двери домов. Наконец он остановился перед номером 551 и осмотрел темные окна. Уголок тонких ломаных губ приподнялся в кривой усмешке.

Крепкие напитки действуют возбуждающе на все основные чувства. Приветливый человек находит еще больше удовольствия в общении с друзьями, сварливый — превращается в невыносимого брюзгу. Но тому, в ком кипит затаенная обида, выпивка застилает глаза кроваво-красным туманом убийства. Лейкер был пьян, и его терзала обида.

Он научит этого старого дьявола не грабить людей безнаказанно. Этот грязный мошенник жил за счет людей, рискующих ради него головой. У Лейкера ветер гулял в карманах, ему пришлось совершить долгое и мучительное путешествие из Кейптауна, где он чуть не угодил за решетку, а его квартиру обыскивала полиция. Короче говоря, жизнь собачья. Так почему старик Мальпас, который и так уже задержался на этом свете, должен купаться в роскоши, когда его лучший агент так страдает? Лейкера всегда охватывали такие мысли, когда он напивался.

Глядя на него, никто бы не подумал, что этот человек может оказаться перед домом номер 551 на Портмен-сквер. Вытянутое небритое лицо, старый ножевой шрам во всю щеку от уха до подбородка, низкий лоб, нечесанные волосы в сочетании с одеждой — весь вид его говорил о крайней нужде.

Он немного постоял, опустив глаза и глядя на свои изношенные ботинки, потом поднялся по ступенькам и медленно постучал. Тут же раздался голос:

— Кто там?

— Лейкер там! — громко выкрикнул он.

Через секунду дверь бесшумно отворилась, и он вошел. Его никто не встретил, да он и не рассчитывал увидеть здесь слугу. Пройдя через пустую переднюю, миновав лестницу, открытую дверь и небольшой коридор, он оказался в темной комнате. Единственным источником света здесь была лампа с зеленым абажуром на письменном столе, за которым сидел старик. Как только Лейкер зашел в комнату, дверь за ним захлопнулась.

— Садитесь, — сказал человек в дальнем углу.

Гостю не нужно было указывать на стол и стул, он и так прекрасно знал, где они стоят. Три шага в сторону, и он молча опустился на стул. Лицо его искривилось в ухмылке, но его жутковатый хозяин не мог этого видеть.

— Когда вы вернулись?

— Сегодня утром сошел на берег, на «Булувайо» приплыл, — ответил Лейкер. — Мне нужны деньги. И побыстрее, Мальпас!

— Положите то, что принесли, на стол, — хриплым голосом произнес старик. — Вернетесь через четверть часа, деньги будут ждать.

— Я хочу забрать их прямо сейчас, — хмель в голове сделал Лейкера неуступчивым. Мальпас повернул отвратительное лицо к посетителю.

— В этой лавочке действует только одно правило, — процедил он. — Здесь все происходит так, как я скажу! Оставляйте товар или забирайте его и проваливайте. Вы пьяны, Лейкер, а когда вы пьяны, вы превращаетесь в дурака.

— Может, я и дурак, но не настолько, чтобы продолжать рисковать, как раньше! Ничего, ничего, Мальпас, знайте, что вы тоже рискуете.

Вам известно, например, кто живет рядом с вами в соседнем доме, а? Неизвестно!

Неожиданно для себя он вспомнил то, о чем случайно узнал этим утром.

Человек, которого он назвал Мальпас, закутался в свой стеганый халат и рассмеялся.

— Мне неизвестно? Это мне неизвестно, что Лейси Маршалт живет рядом со мной? А почему, по-вашему, я тут поселился, если не для того, чтобы жить рядом с ним?

Выпивоха уставился на него, открыв рот от удивления.

— Рядом?.. Но зачем? Он же один из тех, кого вы общипываете... Хоть и сам жулик. Зачем вам понадобилось жить рядом с ним?

— Это мое дело, — резко бросил старик. — Оставьте то, что принесли, и уходите.

— Ничего я не оставляю, — сказал Лейкер и с трудом поднялся. — И никуда я не уйду, пока не узнаю всего о вас, Мальпас. Я уже все обдумал. Вы — не тот, за кого себя выдаете. И не просто так сидите в такой темной комнате и запрещаете подходить к себе. А что если рассмотреть вас поближе, а? Не шевелитесь! Пистолета у меня в руке вы не видите, но можете поверить, он там.

Он сделал два шага вперед, и тут что-то впилося ему в грудь и отбросило назад. Это была тонкая проволока, невидимая в темноте, натянутая от стены до стены. Прежде чем он успел крепко встать на ноги, свет погас. Сумасшедшая ярость охватила Лейкера. Взревев, он бросился вперед, разорвав проволоку, но споткнулся о второе препятствие, на этот раз на уровне ног, и полетел на пол.

— Зажгите свет, старый мошенник! — крикнул он, неуклюже поднимаясь и придерживаясь за стул. — Сколько лет вы меня обдирали, как липку... Дьявол, жили за мой счет! Предупреждаю, я собираюсь сдать вас полиции, Мальпас! Или вы платите, или я иду в полицию.

— Я в третий раз слышу от вас угрозу.

Голос прозвучал сзади. Он стремительно развернулся и в припадке бешенства выстрелил. Складки драпировки на стенах приглушили звук выстрела, но во вспышке он успел заметить темную фигуру, крадущуюся к двери, и, не помня себя от злости, выстрелил еще раз. Едкий запах бездымного пороха наполнил душную комнату.

— Свет! Зажгите чертов свет! — закричал Лейкер, но тут дверь открылась, и он увидел, как в образовавшийся проем скользнула фигура. Через секунду он и сам выскочил на лестничную площадку, но старик исчез. Куда он мог деться? Рядом была еще одна дверь. Он метнулся к ней.

— А ну выходи, Иуда! — заорал он. — Выходи, и поговорим по-мужски!

За спиной раздался щелчок, это закрылась дверь комнаты, из которой он только что выскочил. Рядом начинался лестничный пролет, ведущий на следующий этаж. Лейкер уже поставил ногу на первую ступеньку, но замер — он вдруг осознал, что все еще держит в руке кожаный мешочек, который достал из кармана, войдя в комнату. Сообразив, что ему придется уйти с пустыми руками, так и не закончив своего дела, он несколько раз ударил в дверь, за которой, как он полагал, скрылся тот, на кого он работал.

— Эй, Мальпас, выходите. Я вас не трону, обещаю. Просто пьян я немного...

Ответа не последовало.

— Извините, Мальпас. — Он что-то увидел у себя под ногами, наклонился и поднял странный предмет. Это был изготовленный из воска накладной подбородок, точно повторяющий форму и цвет настоящего человеческого подбородка с двумя резиновыми ремешками, которыми, очевидно, крепился к лицу. Один из ремешков был порван. Это приспособление показалось Лейкеру удивительно смешным, и он громко расхохотался.

— Вы слышите, Мальпас? У меня часть вашего лица! — крикнул он так, чтобы было слышно за дверью. — Выходите, или я отнесу эту забавную штуку в полицию. Может, там захотят найти остальное.

Никто не ответил, и, все еще посмеиваясь, он спустился к выходу на улицу, однако, подойдя к двери, увидел, что на ней нет ручки, а замочная скважина была такой крошечной, что, заглянув в нее, он ничего не смог разглядеть.

— Мальпас!

Сверху, со стороны пустых комнат, донеслось эхо его зычного голоса. С проклятием он бросился обратно наверх и был уже на полпути к первой лестничной площадке, когда услышал наверху какой-то шум, как будто что-то упало. Подняв голову, он увидел

перекошенное от злобы лицо, еще что-то черное и тяжелое, летящее на него, попытался уклониться, но в следующую секунду скатился по ступенькам безжизненной грудой.

Глава II Ожерелье финской королевы

Торжественный прием в американском посольстве был в самом разгаре. Перед входом в здание растянулся полосатый навес, красная дорожка шла от самого бордюра до двери, и вот уже час сверкающие лимузины свозили важных и высокопоставленных гостей, которые присоединялись к уже и без того немалой толпе, собравшейся в небольшом зале для приемов этого «сорок девятого штата» заокеанского Союза[2].

Когда мощный поток подъезжающих машин поредел, превратившись в тонкий ручеек, из большого автомобиля вышел невысокий мужчина с открытым жизнерадостным лицом. Спокойно пройдя мимо собравшихся у посольства зевак, он радушно кивнул лондонскому полицейскому, сдерживавшему толпу, и вошел в дом.

— Полковник Джеймс Ботуэлл, — сказал он лакею и неспешно направился в зал.

— Прошу прощения. — Подтянутый мужчина во фраке вдруг схватил его за руку и потащил за собой в небольшую комнату со столами, ломящимися от всевозможных закусок. В комнате в такое раннее время еще никого не было.

Полковник Ботуэлл, видя такую фамильярность, улыбнулся и удивленно поднял брови, весь его вид как будто говорил: я вас не знаю, но вы, должно быть, один из этих дружелюбных американцев, которым неведомы правила хорошего тона, так что придется мне на какое-то время смириться с вашим обществом.

— Нет, — негромко изрек незнакомец.

— Нет? — Бровям полковника больше некуда было подниматься, поэтому он придал их движению обратное направление и нахмурился.

— Нет... Думаю, что нет. — Устремленные на полковника серые насмешливые глаза весело блеснули.

— Мой дорогой американский друг, — сказал полковник, пытаясь освободить руку. — Я, право же, не понимаю... Вы, очевидно,

ошиблись.

Мужчина медленно покачал головой.

— Я никогда не ошибаюсь... И я — англичанин, что вам известно прекрасно, такой же, как и вы, несмотря на ваши смешные потуги изобразить новоанглийский[3] акцент. Сочувствую вам, Ловкач, но ничего у вас не выйдет!

Ловкач Смит вздохнул, но больше ничем не выдал расстройства.

— Что, американский гражданин не может по-свойски заглянуть к своему послу? Что тут такого? Послушайте, капитан, у меня есть приглашение, а если мой посол желает меня видеть, вас это не касается.

Капитан Дик Шеннон тихо рассмеялся.

— Не желает он вас видеть, Ловкач. Ему меньше всего хочется видеть ловкого английского вора в месте, где под рукой бриллиантов на миллион долларов. Он, может быть, рад был бы видеть полковника Ботуэлла из девяносто четвертого кавалерийского полка, если б тот был в Лондоне, но ему явно не интересен Ловкач Смит, охотник за драгоценностями, мошенник и прожженный вор. Не хотите перед уходом что-нибудь выпить?

Ловкач снова вздохнул.

— Виноградный сок, — коротко сказал он и указал на бутылку с совершенно другим названием. — Вы ошибаетесь, если думаете, что я здесь по делу. Честно, капитан. Главный мой порок — любопытство. Мне просто очень интересно увидеть алмазное ожерелье королевы Риены. Может, сегодня последний раз, когда я могу полюбоваться им. На мне лежит проклятие — чутье сыщика. Вы слышали про этих психов, Джекилла и Хайда? Вот и я такой же. У каждого человека есть сокровенные мысли, Шеннон. Даже у делового[4].

— Даже у делового, — согласился Дик Шеннон.

— Кто-то думает о том, как потратить миллион, — задумчиво продолжил Ловкач. — Кто-то мечтает спасти девушку от голода или чего похуже и быть ей братом... До тех пор пока она не полюбит его. Я, когда не занят, мечтаю о том, как мог бы распутывать всякие страшные загадки. Как Стормер, охотник на воров, от которого вы обо мне узнали. У них на меня целое дело заведено.

Это была истинная правда. Шеннон действительно впервые узнал о Ловкаче в агентстве знаменитого сыщика.

— Значит, сейчас мы встретились как коллеги? — спросил он. — Или по-прежнему я обычный деловой, а вы...

— Вор? Можете говорить смело, это меня ничуть не обидит, — спокойно произнес Ловкач. — Но вы правы, сегодня я — деловой.

— А алмазы королевы?

Ловкач глубоко вздохнул.

— За ними охотятся, — сказал он. — Мне интересно знать, как их похитят. В деле серьезные люди... Я надеюсь, вы не думаете, что я стану называть имена? Если думаете, то вас ожидает большое разочарование.

— Они уже здесь, в посольстве? — быстро спросил Дик.

— Не знаю. Я для этого и пришел, чтобы все узнать. Я профессионал, но не из тех, кто работает по накатанному. Я, как хирург... Люблю смотреть, как другие проводят операции. Так можно научиться чему-то новому, чему-то такому, о чем ты никогда и не узнал бы, если смотришь не дальше собственного носа. Чужой опыт может здорово пригодиться.

Шеннон на миг задумался.

— Ждите здесь... И держитесь подальше от столового серебра, — сказал он и, не обращая внимания на негодующие протесты Ловкача, быстро вышел в переполненный зал, протискиваясь сквозь толпу, пока не добрался до более-менее свободного пространства, где стояли, беседуя, посол и высокая усталого вида женщина, ради безопасности которой он и оказался сегодня в приемном зале посольства. Ее шею украшала сверкающая цепочка, которая вспыхивала и рассыпалась искрами от каждого вялого движения женщины. Повернувшись и став разглядывать толпу гостей, сыщик через какое-то время заметил молодого человека в монокле, который о чем-то оживленно разговаривал с одним из секретарей посольства, и, встретившись с ним взглядом, сделал знак подойти.

— Стил, здесь Ловкач Смит. Он говорит, что кто-то сегодня собирается «взять» ожерелье королевы. Глаз с нее не спускать. Найдите кого-нибудь из служащих посольства, пусть еще раз проверят список гостей. Если найдется кто-то не из списка, сразу ведите его ко мне.

После этого он вернулся к Ловкачу, допивавшему третий бокал.

— Послушайте, Ловкач. Почему вы пришли, если знали, что кража запланирована на сегодня? Если вы не в деле, вы же первый, кто попадает под подозрение.

— Понятно, я об этом подумал, — ответил тот. — Это и есть причина моего смятения. Смя-те-ни-е! — повторил он, смакуя каждый звук. — Я это слово на прошлой неделе выучил.

С того места, где они стояли, была видна главная дверь в зал. Люди все еще продолжали прибывать, и, бросив взгляд в ту сторону, сыщик увидел высокого, широкого в плечах мужчину средних лет, рядом с которым шла девушка такой красоты, что даже у толстокожего Ловкача перехватило дыхание. Но, прежде чем Дик Шеннон успел рассмотреть их получше, пара скрылась из виду.

— Вот это красавица... А Мартина Элтона я что-то здесь не видел. Она пришла с Лейси.

— Лейси?

— Достопочтенный Лейси Маршалт. Миллионер... Из тех, кого жизнь по головке не гладила. Начинал он на улице и всегда готов туда вернуться. А леди вы знаете, капитан?

Дик кивнул. Дору Элтон знали почти все. Эту светскую львицу чаще всего видели на театральных премьерах или в самых модных вечерних клубах. Впрочем, лично с ней он знаком не был.

— Красавица, — повторил Ловкач, восхищенно качая головой. — Ну и красавица! Будь она моей женой, я б ей не позволил с этим Лейси вертеться. Уж можете мне поверить, сэръ. Но в Лондоне это обычное дело.

— Как и в Нью-Йорке, в Чикаго, в Париже, Мадриде и Багдаде, — сказал Шеннон. — Ну что, Перси?

— Вы хотите сказать, мне пора на выход? Что ж, можете радоваться, вы испортили мне вечер, капитан. Я пришел сюда, чтобы что-нибудь узнать и понять, как мне поступать дальше. Знал бы, что и вы здесь, не стал бы белую рубашку напяливать.

Дик проводил его до двери и подождал, пока нанятая им машина скрылась из вида, после чего вернулся в большой зал, где занял удобную для наблюдения позицию и принялся ждать. Кто-то из гостей, ненароком забредя в один из пустых коридоров посольства, увидел там мужчину, сидевшего на стуле, с трубкой во рту и газетой в руках.

— Прошу прощения, — сказал гость, — кажется, я заблудился.

— Да, пожалуй, — холодно ответил курильщик, и гость, совершенно честный и невинный человек, поспешил ретироваться, удивленно размышляя, зачем этому странному господину понадобилось сидеть под распределительным щитком, с которого контролировалось все освещение здания. Шеннон не хотел рисковать.

В час дня, к величайшему облегчению Дика Шеннона, Ее Величество королева Финляндии покинула посольство и отправилась в гостиницу в Бакингейт, где она остановилась инкогнито. Сыщик стоял с непокрытой головой, пока задние фонари ее автомобиля не растворились в тумане. На переднем сиденье рядом с водителем сидел вооруженный полицейский, поэтому он не боялся, что по дороге с королевой что-нибудь случится.

Дик Шеннон направился на своей машине в Скотленд-Ярд.

Медленно проехав мимо Вестминстерского аббатства и ориентируясь по гулким звукам Биг-Бена, Шеннон нашел Скотленд-Ярд и въехал через арку во двор главного полицейского управления.

— Пусть кто-нибудь загонит машину в гараж, — приказал он дежурному полицейскому. — Домой пешком пойду, от греха подальше.

— Вас инспектор спрашивал, сэр... Он ушел на набережную.

— Хороший вечерок для прогулок, — улыбнулся Дик и потер уставшие глаза.

— Речная полиция ищет тело человека, которого бросили в воду сегодня вечером, — с удивлением услышал он.

— Бросили? Вы хотите сказать, он прыгнул в реку?

Дик Шеннон не стал задерживаться. Уют его личного кабинета с камином больше не манил его. Он ощупью добрался до широкой набережной и там быстрым шагом пошел вдоль парапета. Туман к этому времени сделался совсем непроглядным, заунывные гудки речных буксиров, капитаны которых отчаялись победить стихию, уже перестали оглашать окрестности.

Рядом с каменным свидетелем былой славы Египта он увидел небольшую группку людей и направился к ним. Когда он подошел совсем близко, инспектор, который был в штатском, вышел ему навстречу.

— Убийство... Речная полиция только что нашла тело.

— Утонул?

— Нет, сэр. Этого человека забили насмерть перед тем, как бросить в воду. Хотите его увидеть — спуститесь вниз.

— Когда это случилось?

— Сегодня около девяти... Или, вернее, вчера. Сейчас-то ведь уже почти два.

Шеннон спустился по узкой лестнице, идущей к воде с обеих сторон обелиска, и включил карманный фонарик. Из тумана вынырнул нос лодки и развернулся так, чтобы ему было видно то, что лежало бесформенной грудой на корме.

— Я провел предварительный обыск, — доложил сержант патруля. — В карманах у него пусто. Но этого человека будет легко опознать. У него старый шрам через всю щеку.

— Гм, — задумчиво произнес Дик Шеннон, рассматривая труп. — Надо будет его еще раз внимательно обыскать.

Обратно в полицейское управление он ушел с инспектором. В фойе, которое пустовало, когда он уходил, теперь было не протолкнуться, ибо в его отсутствие поступило известие, превратившее весь Скотленд-Ярд в гудящий улей и поднявшее с постелей всех столичных сыщиков. В самом темном месте улицы Мэлл машину финской королевы остановили, полицейского застрелили, а алмазное ожерелье Ее Величества исчезло, словно растворилось в тумане. И ему не суждено было отыскаться до тех пор, пока некая девушка, которой в ту минуту снился беспокойный сон, напрямую связанный с курами, не приехала в шумный, сверкающий, огромный город повидать ненавидевшую ее сестру.

Глава III Одри

— Питер и Пол — по четыре шиллинга с головы, — докладывала престарелая миссис Граффитт, близоруко щурясь на монетки, которые выкладывала на стол. — Генриетта, Марта, Дженни, Королева Елизавета и Хольга...

— Ольга, — поправила ее девушка, сидевшая за столом с карандашом в руках. — Даже кур нужно уважать.

— Мясник Грибс дал за каждую по полкроны. Все-таки как-то не по-христиански называть кур человеческими именами.

Одри Бедфорд произвела быстрый подсчет.

— Вместе с мебелью выходит тридцать семь фунтов десять шиллингов, — сказала она. — Этого должно хватить, чтобы заплатить кормильщику кур, вам на жалованье и мне на поездку в Лондон.

— А куда вы поедете, мисс? — миссис Граффитт умело сменила тему.

— Не знаю. Может, в Лондон.

Одри обвела взглядом комнату, в которой ей был знаком каждый уголок. Стул, на котором любила сидеть ее мать, глядя на почерневший камин, Одри сожгла. В огне еще можно было различить его обуглившуюся ножку.

Нет, эта комната не вызывала нежных воспоминаний, с ней были связаны мысли о тяжелой, монотонной работе и тоске. Отца своего она не видела, а миссис Бедфорд никогда о нем не рассказывала. Он оказался подлецом, и из-за него благородной женщине пришлось испытывать нужду и лишения.

— Он умер, мама? — однажды спросила девочка.

— Надеюсь, что да, — был твердый ответ.

Дора никогда не задавала таких вопросов, но она была старше, имела больше общего с матерью, разделяя ее чувства, и больше походила на нее холодным характером.

Все было кончено. Одри открыла калитку, свернула на короткую дорожку до церковного двора и молча постояла у могилы, сложив перед собой руки.

— Прощай, — наконец произнесла она ровным, спокойным голосом и вернулась в дом.

Конец и начало. Она не испытывала ни сожаления, ни радости. Ее чемодан с книгами уже был отправлен на станцию, где ему зарезервировали место до камеры хранения на вокзале Виктория.

А что касается будущего... Она была довольно неплохо образованна, начитанна, умна, имела зачаточные познания в скорописи, которой обучалась сама долгими зимними вечерами.

— Времени еще полно, — сказал водитель сельского омнибуса, забрасывая ее чемодан в темные затхлые недра своего экипажа. — Если бы не машины, я бы вас довез еще быстрее, но сейчас приходится ездить очень осторожно.

Эти слова оказались пророческими. Девушка уже хотела вслед за своим чемоданом забраться в омнибус, когда появился незнакомец. Некоторая небрежность в одежде придавала ему вид какого-нибудь средних лет помощника адвоката.

— Прошу прощения. Мисс Бедфорд? Моя фамилия Уиллитт. Могу я поговорить с вами вечером, когда вы вернетесь?

— Я не вернусь. Я вам что-то должна?

Одри всегда задавала этот вопрос вежливым незнакомцам, и обычно те отвечали «да», поскольку миссис Граффитт имела привычку брать что-то в долг и тут же забывать об этом.

— Нет, мисс. Так вы не вернетесь? А не могли бы вы назвать мне свой новый адрес? Я бы хотел обсудить с вами... Ну, скажем так, одно важное дело.

Незнакомец был явно взволнован.

— Боюсь, что не могу дать вам свой адрес. Скажите свой — и я напишу вам.

Мужчина достал карточку, тщательно зачеркнул название фирмы на ней и написал собственный адрес.

— Ну что там?! — крикнул со своего места недовольный возница.
— Будем еще ждать — опоздаем на поезд!

Она запрыгнула в омнибус и с силой захлопнула дверь.

Авария произошла на углу Ледбери-лейн. Выезжая на главную дорогу, Дик Шеннон сделал слишком резкий поворот, и задние колеса его длинного автомобиля грациозно занесло в сторону. Столкновение, к которому это привело, выглядело совсем не так красиво. Зад его автомобиля врезался в деревенский омнибус из Фонтуэлла, с которым Дик как раз поравнялся, и аккуратно снес одно из его колес, лишив тем самым это старинное средство передвижения тех достоинств, которые еще оставили ему погода и износ.

В омнибусе ехал лишь один пассажир. Вернее, пассажирка, и она с трудом вышла на дорожную слякоть раньше, чем успел добраться до нее Дик со шляпой в руке и виноватым выражением на красивом лице.

— Простите, Бога ради! Надеюсь, вы не пострадали?

Он решил, что этой девушке лет семнадцать, хотя в действительности ей было на два года больше. Одета она была более чем скромно: длинное пальто ее явно не раз перешивалось, и даже мех

на воротнике выглядел потертым и изношенным. Однако ничего этого Дик не заметил. Он не мог оторвать взгляд от ее лица, показавшегося ему совершенным. Что же так захватило его? Возможно, линия бровей или форма глаз, а может быть, безупречный изгиб губ или гладкость и цвет кожи... Он вдруг с ужасом подумал, что вот сейчас она заговорит, и грубый крестьянский выговор неминуемо разрушит образ принцессы.

— Благодарю вас... Я лишь немного испугалась. Неужели теперь я опоздаю на поезд? — печально произнесла она, глядя на валяющееся колесо.

В мгновение ока его страхи развеялись. Принцесса в рубище была образованна.

— Вы на Барнемский узел направлялись? Я как раз мимо буду проезжать, — сказал он. — Да и, если бы даже я ехал в другую сторону, мне бы пришлось поехать туда, чтобы прислать помощь бедолаге.

— Да я почти на месте стоял! — негодуяще вскричал мистер Джайлс. — Это вы мчали во весь опор!

— Из Барнема я пришлю помощь, — сказал Дик и повернулся к девушке. — Итак, юная леди, вы доверитесь моей Джаггернаутовой колеснице?[5]

— Думаю, да, — улыбнулась она и, вытащив чемодан из омнибуса, уселась на переднее сиденье рядом с водителем.

— Вообще-то я направляюсь в Лондон, — сказал Дик, но уверен, вы откажетесь проделать со мной столь долгий путь, хотя так вам и не пришлось бы тратиться на поезд.

Она не ответила, отчего у него возникло чувство, что она просто задирает перед ним нос, но это впечатление быстро развеялось.

— Наверное, я лучше поеду поездом — сестра может прийти на вокзал встречать меня.

Произнесено это было не самым уверенным тоном.

— Вы живете где-то неподалеку?

— В Фонтуэлле, — ответила она. — У меня там был коттедж. Раньше он принадлежал матери, когда та была жива. Вы можете представить, каково это, когда жизнь зависит от яиц?

Удивлению Дика не было границ.

— Не совсем... — неуверенно сказал он. — Нет, я, конечно, понимаю, это весьма питательный продукт, но...

— Я не про это. Я имею в виду... у вас никогда не было птицефермы?

Он покачал головой.

— И никогда не заводите ее, — с глубоким убеждением изрекла она. — Сейчас куры совсем не такие, какими были раньше.

Дик рассмеялся.

— Так вы бросили это занятие?

Она несколько раз кивнула.

— Ваша сестра, разумеется, живет в Лондоне.

— Да. На Керзон-стрит. — Странно, что она сказала ему это. Ведь до сих пор никто во всем графстве даже не догадывался, что у нее вообще есть сестра.

Дик не выказал удивления.

— Она... — Вопрос, который он хотел задать, был довольно щепетильным. — Она там... э-э-э... работает?

— Нет. Она — жена Мартина Элтона, — ответила девушка, снова удивившись самой себе.

— Не может быть! — не удержавшись, воскликнул он.

В этот миг раздался сигнал, сообщивший о прибытии поезда, и он побежал купить ей в дорогу пару журналов.

— Огромное вам спасибо, мистер... Меня зовут Одри Бедфорд.

— Я запомню, — улыбнулся он. — У меня прекрасная память на имена. Моя фамилия Джексон.

Он постоял на платформе, наблюдая, как за поворотом скрылись хвостовые фонари поезда, после чего вернулся к машине и поехал в полицейский участок сообщить об аварии.

Вот это встреча! Сестра миссис Элтон! Если бы он назвал свое настоящее имя, а она, приехав к сестре, рассказала прекрасной Доре Элтон, что проводила время с капитаном Ричардом Шенноном, спокойствие в маленьком роскошном домике на Керзон-стрит было бы здорово нарушено.

Из всех лондонских аферистов именно Дору Элтон Дик Шеннон больше всего хотел упрятать за решетку.

Глава IV Достопочтенный Лейси

Одно время Лейси Маршалт служил сенатором законодательного совета Южной Африки, с тех пор и повелось называть его «достопочтенным», что для мистера Тонгера, его слуги, было поводом для тайных насмешек.

Одним серым утром он вышел из ванной одетый лишь в брюки и майку, под которой прекрасно прорисовывался внушительный рельеф мышц. Авантюрист, заработавший по крайней мере на этот символ успеха — великолепный дом на Портмен-сквер, внешне совсем не походил на законодателя, каковым его знали в Южной Африке.

Он долго стоял перед окном, угрюмо глядя на площадь. Туман уже сменился дождем...

В дверь спальни мягко постучали. Вздвогнув, он повернулся.

— Входите!

Дверь открылась, и в комнату вошел его старый слуга. Как всегда, он хитровато улыбался.

— Почта, — бесцеремонно сказал он, бросив пачку писем на маленький письменный стол.

— Нужно добавлять «сэр», — недовольно проворчал Лейси. — Вы снова забываете о правилах.

Тонгер криво ухмыльнулся.

— Постараюсь их снова припомнить.

— Да уж, постарайтесь. Учтите, в Лондоне я могу найти сотни слуг, готовых работать за оклад вчетверо меньше вашего, причем молодых и в двадцать раз лучше, — пригрозил его хозяин.

— Да только никто из них меня вам не заменит, — сказал слуга, — и вы им не доверитесь. Преданность ведь за деньги не купишь. Я это на днях в одной книге вычитал.

Лейси Маршалт выбрал из кипы письмо в голубом конверте с адресом, написанным явно малограмотным человеком. Раскрыв его, он прочитал: «Ему все хуже». Подписи не было. Миллионер что-то пробурчал и бросил письмо слуге.

— Пошлите ему двадцать фунтов, — сказал он.

Тонгер, не колеблясь ни секунды, прочитал написанное на клочке бумаги.

— Все хуже? — задумчиво произнес он. — Гм. А он умеет плавать?

Лейси резко повернул голову.

— Что вы имеете в виду? — спросил он. — Конечно же, он умеет плавать... Или умел. Как рыба. А что?

— Ничего.

Лейси Маршалт долго и внимательно смотрел на слугу.

— Иногда мне кажется, что вы чего-то недоговариваете. Посмотрите на конверт. Там почтовый штемпель Матжиесфонтейна. На прошлом был такой же. Почему он оттуда пишет, если это в сотне миль или даже больше от Кейптауна?

— Может быть, он перестраховывается? — предположил Тонгер и сунул бумажку в жилетный кармашек. — А почему вы не возвращаетесь на зиму в Кейптаун, баас?[6] — спросил он.

— Потому что предпочитаю проводить зиму в Англии.

Маршалт надел рубашку и стал застегиваться, но что-то в его голосе приковало к себе внимание слуги.

— Знаете, Лейси, ненависть — это страх.

Тот уставился на него.

— Ненависть — это страх? Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, что невозможно ненавидеть человека, не испытывая к нему чувства страха. Страх превращает обычную неприязнь в ненависть. Выключите из этого чувства страх и получите... все что угодно... презрение... Что угодно, но только не ненависть.

Маршалт снова взялся за пуговицы.

— Вы это тоже в книге вычитали? — спросил он, рассматривая себя в зеркале.

— Это из головы, — ответил Тонгер, беря жилет хозяина и небрежно обмахивая его щеткой. — Вы знаете человека, который живет в соседнем доме? Кажется, его зовут Мальпас. Я вчера вечером разговаривал с одним фараоном, и, по его словам, этого Мальпаса считают ненормальным. Живет он один, слуг не держит и всю работу по дому выполняет сам. В его доме около шести отдельных квартир, но он не сдает их внаем. Кто он?

— Вы, похоже, и сами все знаете, зачем меня спрашивать? — бросил через плечо Лейси Маршалт.

Тонгер почесал нос.

— А что если это он? — рассеянно произнес он, но его хозяин тут же развернулся и рывкнул:

— А что если вы за эти сплетни вылетите отсюда, старый дурак?

Тонгер, которого внезапный приступ бешенства магната как будто совершенно не смутил, повесил жилет на спинку стула.

— Внизу дожидается сыщик, который был у вас на днях, — доложил он. В ответ раздалась брань.

— Так что ж вы сразу не сказали? — зло процедил Маршалт. — Я вижу, от вас мне все меньше и меньше пользы, Тонгер. Когда-нибудь это мне надоест, и я попросту уволю вас. И нечего так ухмыляться! Ведите его сюда.

Потертого вида мужчина, которого привел слуга, увидев хозяина, почтительно улыбнулся.

— Можете идти, Тонгер, — недовольно произнес Маршалт.

Тонгер неспешно удалился.

— Итак?

— Я нашел ее, — сказал агент, раскрыл бумажник, достал фотографию и протянул ее миллионеру.

— Да, это она, — кивнул он. — Но, если вы знали деревню, найти ее было не сложно. Кто она?

— Одри Бедфорд.

— Бедфорд? Вы уверены? — быстро спросил Маршалт. — Она живет с матерью?

— Ее мать умерла... Пять лет назад, — ответил сыщик.

— У нее были другие дочери?

Агент покачал головой.

— Я наводил справки, похоже, она — единственный ребенок. У меня есть фотография ее матери. Это было снято на церковной ярмарке в 1913 году, это групповой портрет.

Сыщик снял обертку с плоского завернутого в бумагу пакета, который он держал в руке, и передал фотографию Лейси Маршалту. Тот поднес ее к свету.

— Вот она, — он указал на одну из фигур.

— Чудесно! Я, как только увидел девушку, сразу почувствовал... — Он замолчал и через секунду добавил: — Чутье сработало.

— Так вы ее знаете, сэр?

— Нет! — Ответ прозвучал резко, почти грубо. — Чем она занимается? Живет одна?

— Практически да. У нее была своя птицеферма, и управляться с ней ей помогала старуха, с которой они жили вместе. Но вчера Одри уехала в Лондон. Как мне сказали в деревне, она разорилась, и ей пришлось продать дом и все хозяйство.

Миллионер стоял у окна в своей любимой вальяжной позе и слушал, устремив отрешенный взгляд на улицу. Твердое суровое лицо его оставалось непроницаемым. Как странно! «Ненависть — это страх!» — прошептало эхо голоса Тонгера... Он передернул широкими плечами, отгоняя воспоминание.

— А она ничего, да?

— Очень красива, — отозвался сыщик. — Я, конечно, не судья, но мне показалась, что она не похожа на обычных девушек.

Лейси хмыкнул.

— Да... не похожа на обычных.

— В Фонтуэлле не все прошло гладко... Я не думаю, что это серьезно, но все же вам следует об этом знать, мало ли что. — В деловом голосе его послышались беспокойные нотки. — Нам, честным сыщикам, проще работается, когда люди считают, что мы из полиции. Мне пришлось сделать вид, что я разыскиваю вора, укравшего нескольких кур... Так что на тамошнем постоялом дворе («Корона» он называется) я представился инспектором из Скотленд-Ярда.

— Пустяки. В этом нет ничего страшного, мистер Уиллитт, — ответил богач, холодно улыбнувшись.

— Оно бы и так, — сказал Уиллитт, — но, к несчастью, капитан Шеннон остановился там, чтобы сменить шину.

— Что за Шеннон?

— Если вы его еще не знаете, считайте, что вам повезло, — сказал Уиллитт. — Это лучший сыщик Ярда. Новый комиссар. До сих пор комиссары были кабинетными служащими, даже без права производить арест. Шеннона перевели сюда из Индии — ведь у нас тут недавно несколько комиссаров на взятках попались. В общем, я получил от него по первое число за то, что выдал себя за агента полиции. Такого от него наслушался!.. Вспоминать страшно.

— Он узнал, что вы разыскивали девушку?

Частный сыщик покачал головой.

— Нет. Это, пожалуй, единственное, чего он обо мне не узнал... Он бы лучше думал, где искать ожерелье финской королевы! — в сердцах добавил он.

Судя по всему, Лейси не услышал его последних слов. Все его мысли были заняты девушкой и тем, чего теперь можно ожидать.

— И вы позволили ей уехать, не узнав ее адреса? Плохо работаете, господин сыщик. Разузнайте. Потом отправляйтесь к ней и познакомьтесь. Делайте что хотите. Притворитесь коммерсантом, сделайте вид, что подыскиваете, куда бы вложить деньги... Одолжите ей... столько, сколько понадобится. Только делайте это так, чтобы не спугнуть ее.

Миллионер достал из портмоне несколько купюр, свернул их в шарик и бросил в протянутую руку.

— Потом найдите способ привести ее сюда на ужин, — негромко добавил он. — Тут вас срочно вызовут по телефону.

Уиллитт посмотрел на него исподлобья, покачал головой и нерешительно произнес:

— Не знаю... Я таким не занимаюсь...

— Я хочу с ней поговорить. Рассказать ей кое-что, чего она не знает. Вот пять сотен, они ваши.

Частный сыщик часто заморгал.

— Пять сотен? Я постараюсь...

Оставшись один, Лейси снова подошел к окну и продолжил созерцание площади.

«Ненависть — это страх!»

Ему было неведомо чувство страха, и этим он гордился. Жестокий, беспощадный, к своей цели он шел по дорожке, вымощенной человеческими сердцами, и это его ничуть не страшило. На трех континентах были женщины, проклинавшие его имя и саму память о нем. Были и мужчины, день и ночь мечтающие об одном: отомстить. Но он не боялся. Та ненависть, которую он питал к Дэну Торрингтону, была... всего лишь ненавистью.

Поэтому он не позволил себе волноваться. И все же глубоко в душе, в самом потаенном ее уголке, слова старого слуги жгли его и не давали покоя.

«Ненависть — это страх!»

Глава V Ловкач — философ

— Ерунда, — сказал Шеннон, глядя на помятое крыло своего автомобиля.

— Столкнулись с кем-то? — поинтересовался Стил, его помощник.

— Да... Но все закончилось самым приятным образом. Если честно, это было наилучшее столкновение в моей жизни! — Они вошли в узкий коридор, ведущий к квартире Дика Шеннона.

— Ну а мне долго ждать не пришлось, — сказал Стил, пока Дик отпирал дверь. — Я знал, что вы возвращаетесь. А вы как, разыскали своего человека в Богноре?[7]

— Да, он раскололся... После того как я немного нажал на него. Стил, вам что-нибудь известно о родственниках Доры Элтон?

— Нет, я даже не знал, что они у нее есть, — ответил тот. — Может, Ловкач знает. Я велел ему быть здесь в шесть.

— Надеюсь, она хорошо добралась до города.

— Кто? — удивленно спросил помощник комиссара, и его начальник на миг смутился.

— Я подумал... Об одном человеке, — нашелся что ответить он и поспешил переменить тему. — Труп опознали? — спросил он.

Стил покачал головой.

— Это иностранец. Скорее всего, из Южной Африки, — сказал он.

— Он, как водится, больше изъяснялся иносказаниями и метафорами. Вор ведь никогда не назовет лопату лопатой.

Какое-то время он постоял, устремив на стол задумчивый взгляд, а потом добавил:

— Надеюсь, сестра встретила ее.

Стил моргнул.

— Чья сестра, сэръ? — спросил он, и на этот раз Дик Шеннон рассмеялся.

— Наверняка встретила! — воскликнул он, заканчивая вслух какие-то свои мысли. — В любом случае, она не позволит ей жить на Керзон-стрит или в какой-нибудь гостинице.

Лицо Стила озарилось внутренним светом.

— А, понятно, вы говорите о Доре Элтон?

— Да, об Элтон... — согласился капитан Шеннон. — Но не о той. Она не из наших «клиентов». Вы дом взяли под наблюдение?

— Дом Элтонов? Да. Нам приходится действовать очень и очень осторожно: Элтон — воробей стреляный.

Дик прикусил губу.

— Если я не ошибаюсь, сегодня до без пятнадцати девять ничего не случится. В это время ожерелье королевы покинет Керзон-стрит, и я лично буду наблюдать за ним до пункта назначения. Ужасно хочется познакомиться с пятым членом банды. Думаю, он — иностранец.

— А что потом? — спросил Стил, когда его патрон замолчал.

— Потом возьму Дору Элтон с поличным. Я об этом уже очень давно мечтаю.

— А почему не Кролика? — любопытно спросил Стил, и Дик улыбнулся.

— Кролик — отважный человек, и я уважаю его за это, но это не совсем то чувство. Нужно обладать мужеством особого склада, чтобы спокойно разгуливать по Лондону с краденными драгоценностями в кармане, зная, что половина городской полиции идет по твоему следу. Кролик на такое не способен! Нет, это будет поручено его жене.

Тут он нетерпеливо посмотрел на часы и взял со стола железнодорожное расписание.

— Собираетесь уезжать? — удивился Стил.

— Нет, — быстро ответил комиссар. — Хочу узнать, во сколько прибывает поезд.

Пролистав несколько страниц, он ткнул пальцем в одну из колонок текста и повел его вниз. Потом снова посмотрел на часы, словно уже забыл, что только увидел.

— Она прибыла полчаса назад. Хотел бы я знать...

Стилу тоже хотелось бы кое-что узнать. Раньше он никогда не видел Дика Шеннона в таком настроении, но любые вопросы и объяснения стали невозможными благодаря появлению мистера Ловкача Смита, который смело вошел в комнату, чувствуя себя как нельзя более уверенно. Выглядел он очень собранным, одетым со вкусом мужчиной, чье гладкое лицо, блестящие глаза и зажатая в зубах дорогая сигара указывали на то, что живет он в полном согласии и примирении с окружающим миром. Он приветливо кивнул Стилу и удовлетворился вежливой улыбкой в ответ. Дик заговорил о деле только после того, как его помощник удалился.

— Ловкач, я вызвал вас для того, чтобы посоветоваться. Ограбление состоялось.

— Знаю. Я читал утренние газеты, — кивнул Ловкач. — Хотя я не очень-то доверяю им. Предпочитаю, знаете ли, дневную прессу. Они просто не успевают придумывать что-то свое, и ты получаешь информацию в чистом виде.

— Элтон был в деле.

Брови Ловкача поползли вверх.

— Вы меня удивляете, — вежливо произнес он. — Надо же! Мистер Элтон? Вот уж никогда бы не подумал, что такой человек может оказаться вором.

— Ладно, шутки в сторону. Давайте займемся делом, — сказал Дик, пододвигая гостю графин. — Что вам известно о миссис Элтон?

— Очаровательная леди. Просто восхитительная. Хотя было бы преувеличением назвать ее душу белоснежно-чистой и невинной. Могу признаться, что я, когда думаю о человеческих душах, предпочитаю их видеть слегка окрашенными. Нежно-розовый, лазурный... Любой цвет, только не лимонный.

— Что она представляла собой до замужества?

Ловкач пожал плечами.

— Терпеть не могу слухов и скандалов. — Он поморщился. — Все, что мне известно, она была хорошей женщиной и весьма посредственной актрисой. Думаю, она вышла за Элтона, чтобы спасти его. Настоящие женщины часто так поступают.

— И что же, она преуспела? — с сарказмом спросил Шеннон.

Мистер Смит снова пожал плечами.

— Я на днях слышал, что он стал ярым приверженцем сухого закона. Это ли не спасение? Думаю, да.

Он плеснул в стакан изрядную порцию виски из графина и туда же направил шипучую струю сельтерской из сифона.

Опрокинув в себя стакан, он почмокал губами, оценивая вкус.

— Ликер! По меньшей мере двадцатилетней выдержки. Если бы все, что мы пьем, было такого качества — в мире было бы меньше самоубийств.

Дик все это время не сводил с него глаз, прекрасно понимая, что Ловкач пытается незаметно увести разговор в другую сторону.

— У нее есть сестра?

Мистер Смит допил то, что осталось в стакане, и сказал:
— Если есть, я ей не завидую!

Глава VI Сестры

Одри прождала на вокзале Виктория четверть часа. Она то отходила недалеко от платформы в поисках Доры, то читала вывешенные газеты, где рассказывалось об ограблении финской королевы и описывались новые подробности, о которых стало известно за прошедший день. Прошло уже двадцать минут, а Дора так и не появилась.

Запас наличности у нее был слишком скуден, чтобы взять такси, поэтому Одри обратилась за помощью к полицейскому, чьи знания автобусных маршрутов оказались поистине энциклопедическими. Прождав несколько минут под морозящим дождем, она наконец увидела автобус, идущий в сторону Парк-лейн, откуда начинается оживленная Керзон-стрит. За время короткого путешествия Лондон явил ей не одну загадку, и все же она разыскала небольшой домик и нажала на кнопку дверного звонка. Еще несколько секунд ожидания — и дверь открыла аккуратная горничная, недоверчивым взглядом окинувшая гостью в запыленной одежде.

— Миссис Мартин Элтон занята. Вы из Севильи?

— Нет, я из Суссекса, — ответила девушка, слегка улыбнувшись.
— Передайте, пожалуйста, миссис Элтон, что к ней приехала сестра.

Горничная, поколебавшись,пустила ее в дом, провела в небольшую прохладную гостиную и ушла, закрыв за собой дверь. Одри подумала, что ее явно не ждали, и беспокойство, которое она испытывала по дороге сюда, усилилось. Их с сестрой переписка носила чисто условный характер. Дору никогда не интересовали ни мать, ни то, что в разговорах с друзьями она высокопарно называла «фермой», и когда младшая из сестер в отчаянии обратилась к ней за помощью, та прислала чек на пять фунтов и письмо, в котором недвусмысленно давалось понять, что миссис Элтон не имеет ни возможности, ни желания заниматься благотворительностью.

Дора оставила дом ради сцены в очень раннем возрасте и за несколько недель до смерти матери вступила в брак, который имел все

признаки выгодного. Впрочем, в глазах их матери, строгой и нестигаемой женщины, Дора не могла совершить ничего дурного, и даже то, что она абсолютно забыла ее, ни на йоту не уменьшило материнской любви к старшей дочери и, похоже, даже усилило ее. Из дня в день, из года в год Дора ставилась в пример своей сестре. Дора добилась успеха, а это, по мнению миссис Бедфорд, сглаживало все недостатки. Она добилась успеха даже как актриса, ее имя, написанное аршинными буквами, красовалось на афишах гастролирующих театров, ее фотографии появлялись даже в лондонских газетах. Какими средствами она добилась славы и обрела независимость, миссис Бедфорд не знала, и ей это было неинтересно.

Внезапно открылась дверь, и в гостиную вошла девушка. Она была выше и светлее сестры и почти так же красива, хотя губы у нее были чуть тоньше, а глазам не хватало присущей Одри веселости.

— Девочка моя, откуда ты?! — с тревогой в голосе воскликнула она, протянула вялую, сверкающую драгоценностями руку, наклонилась и скользнула губами по холодной щеке сестры.

— Ты не получила моего письма, Дора?

Дора Элтон покачала головой.

— Нет, я письма не получала. А ты выросла, дитя мое. Когда я тебя видела в последний раз, ты была неуклюжим подростком.

— Все мы растем, — серьезно заметила Одри. — Я продала дом.

Старшая из девушек удивленно распахнула глаза.

— Боже мой, зачем ты это сделала?

— Вернее, он сам продался, — уточнила Одри. — Другими словами, я по кусочкам закладывала его, пока от него не осталось ничего. Потом я избавилась от кур... Это, наверное, были единственные в мире куры, которые не несли яиц и как биологическая загадка стоили, должно быть, сумасшедших денег.

— И ты приехала сюда, — недовольство в голосе Доры нельзя было ни с чем спутать. — Это так неудобно! Я не смогу тебя здесь поселить, и, знаешь, я не думаю, что ты, Одри, поступила умно, продав ферму. Бедная мама умерла на ней, и одно это уже должно было сделать это место для тебя священным.

— Для меня священо все, что связано с мамой, — тихо и уверенно произнесла Одри, — но я не думаю, что мне нужно было умереть там от голода, чтобы доказать свою любовь к матери. Мне много от тебя не

нужно, Дора, позволь лишь неделю попочевать у тебя, пока я не подыщу себе какое-нибудь занятие.

Заложив руки за спину и нахмутив брови, Дора прошлась по маленькой комнате. На ней был утренний халат, стоимость которого позволила бы Одри прожить месяц. Бриллиантовые серьги и двойная нитка жемчуга на ее шее стоили небольшое состояние.

— У меня сейчас гости, — сказала Дора, — а сегодня еще званый обед. Даже не знаю, что с тобой делать, Одри. Ты же не можешь на обед явиться в этом. — Она с презрением покосилась на неприглядный наряд девушки. — Лучше тебе пожить в гостинице. В Блумзбери[8] много недорогих заведений. Приведешь себя там в порядок и приходи в понедельник.

— Чтобы привести себя в порядок в понедельник, вторник или любой другой день недели, нужны деньги, — спокойно произнесла Одри. — А две ночи в третьеразрядной гостинице исчерпают все мои сбережения.

Дора раздраженно цокнула.

— Нельзя же вот так сваливаться людям на голову! — бросила она. — Даже не знаю, что теперь делать. Подожди здесь, я спрошу у Мартина.

Она выпорхнула из комнаты, оставив за собой едва заметный шлейф аромата *quelques fleurs*[9], а губы Одри Бедфорд сложились в легкую улыбку. Она не расстроилась, потому что Дора повела себя в точности так, как она предвидела. Ждать пришлось долго, почти полчаса, пока дверная ручка вновь повернулась и вошла ее сестра. С ней случилось чудесное превращение, ибо теперь лицо ее едва ли не сияло от радости, хотя в веселом голосе проскальзывали фальшивые нотки.

— Мартин говорит, ты должна остаться, — сказала она. — Иди за мной.

Она повела ее по узкой лестнице, мимо зала, из которого доносились громкий смех и шумные разговоры, остановилась на третьем этаже, открыла дверь в одну из комнат и включила свет. Одри догадалась, что это была лучшая в доме спальня после хозяйских, предназначенная для самых важных гостей, пользующихся гостеприимством радушной четы Элтонов.

— Наверное, я была довольно груба с тобой, Одри, — сказала старшая сестра, положив ладонь ей на руку. — Но ведь ты такой ангел, ты же простишь меня, правда? Знаю, простишь, ведь ты обещала маме для меня все-все делать, помнишь, дорогая?

На какой-то миг Одри даже расчувствовалась.

— Ты же знаешь, что прощу, — сказала она.

— Когда-нибудь я открою тебе все свои тайны, — продолжила Дора. — Ты — единственный человек в мире, кому я могу довериться. Помню, мама говорила, будто ты такая упрямая, что, если уж не хочешь разговаривать, так и сам черт тебя не заставит. Гости уже расходятся. Я хочу, чтобы ты спустилась и познакомилась с мистером Стэнфордом и Мартином. Ты Мартина видела?

— На фотографиях, — сказала Одри.

— Он красив, — небрежно обронила Дора. — Смотри, влюбишься... Кролик так уж точно в тебя влюбится. Он обожает новые лица. — В дверях она повернулась. — Я надеюсь на тебя, Одри, — произнесла она, и в ее глоссе вдруг послышалась затаенная угроза. — На Керзон-стрит, как и на ферме, тоже есть свои маленькие секреты.

Дора вернулась в гостиную, и взгляды обоих находившихся там мужчин устремились на нее.

— Где она? — спросил более высокий.

— Я отвела ее в свободную спальню, — ответила Дора.

Мартин Элтон провел пальцем по гладкому черному усу.

— Не думаю, что сейчас ей следует здесь оставаться. Дай ей денег и отправь в гостиницу.

Дора рассмеялась.

— Вы все утро спорили о том, как переправить товар Пьеру. Я думаю, что никто из вас, джентльмены, не хотел бы попасться в руки полиции с ожерельем финской королевы в кармане...

— Черт возьми, не так громко! — прошипел Мартин. — Высунься еще в окно и покричи об этом на всю улицу!

— Тихо! — приказал Большой Билл Стэнфорд. — Продолжай, Дора. Это серьезный вопрос. Попадись кто-нибудь из нас с этими камешками — пожизненное, считай, обеспечено. Но Пьер желает получить товар сегодня... Так кто понесет ожерелье?

— Кто? Моя милая младшая сестренка, — холодно произнесла Дора. — Эту девочку нам сам Бог послал.

Глава VII План

Большой Билл не был сентиментален, но в том, что заменяло ему душу, еще сохранилась тень, слабые отголоски некогда присутствовавших там чести и благородства.

— Сестренка?! Да чтоб вас! Ты что, пошлешь эту девочку на такой риск?

В ответ Дора лишь улыбнулась. Ее муж нервно грыз ногти.

— Может, никакого риска и не будет, — протянул он. — А если и будет, мы рискуем не меньше!

Стэнфорд беспокойно передернул плечами.

— Да, это так. Но мы-то занимаемся этим ради денег... И, кстати, о риске. А что если ее схватят и она сдаст нас?

— Это единственное, чего следует бояться, — подхватила Дора. — Но, скорее всего, этого не случится.

Здоровяк в раздумье устался на ковер.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ